

Александр Громов

Фора

*Часть сборника
Звездная вахта (сборник)*

Александр Николаевич Громов

Фора

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573094

Громов А. Н. Звездная вахта (повести и рассказы): Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-60552-1

Аннотация

«...– Электричество! – немедленно ответствовал щуплый и вертлявый всезнайка Грачев. – Это понятно, это примитив. Такое же электричество, как в сети, подумаешь!

– Такое, да не такое, – возразил Геннадий Родионович, отчасти довольный. – В случае с расческой и эбонитовой палочкой мы имеем дело с силами электростатического взаимодействия. Электроток – это одно, а электростатика – совсем другое. Почему, к примеру, вода, являющаяся соединением двух газов, существует на нашей планете в жидком виде? Из-за водородных связей, которые вы будете проходить на уроках химии и которые суть не что иное, как силы электростатического притяжения. Так уж устроены молекулы воды, что имеют плюс и минус... – Кое-как изобразив на доске пару сцепленных связями молекул воды и не услышав за спиной смешков, какие обязательно сопровождали этот рисунок, если кружок, обозначающий атом кислорода, выходил хотя бы слегка продолговатым, Геннадий

Родионович приободрился и продолжал: – Теперь возьмем хоть сельхозавров. Какая причина заставляет их так называемые «тела» удерживать форму? Проще говоря, почему ветер не может растрепать сельхозавра, как облако?

– Это же нанороботы, а не вода, – презрительно скривился Грачев. – У них программа.

– Чушь. Причина та же – электростатика, только у нанороботов, образующих тело сельхозавра, не два полюса, а минимум четыре... вообще-то, бывает и больше...»

Александр Громов

Фора

– Смотрите! Струйка воды отклоняется. Всем видно?

Дождавшись одобрительного мычания класса, Геннадий Родионович спрятал расческу во внутренний карман пиджака, закрутил кран и с торжествующим видом обратился к оболтусам:

– А почему она отклоняется, когда я подношу к ней расческу? Кто мне скажет? Почему бумажки только что притягивались к натертой сукном эбонитовой палочке? А? Губайдуллина, ты? Нет? Садись, Губайдуллина. Может, ты, Панасенко? Что «не-а»? Ты встань, встань. Не переломишься ведь?

Кто-то тихо заржал. Переломиться толстому Панасенко никак не грозило, разве что сплющиться под собственным весом. Сегодня класс был настроен весело: физик не свирепствовал, а показывал забавные фокусы. К числу последних, по мнению класса, относился аттракцион с извлечением Панасенко из-за парты. Сложная эта операция никогда не получалась с первой попытки.

– Ну-с? Мы внимательно слушаем.

Панасенко только сопел сквозь нос-пуговку, утонувший в необъятных щеках.

– И это все? Грачев, прекрати подсказывать. Если не тер-

пится – скажи всем нам, а не одному Панасенко. А ты, Панасенко, садись. Подвиньтесь там, дайте ему сесть... Ну, Грачев?

– Электричество! – немедленно ответствовал щуплый и вертлявый всезнайка Грачев. – Это понятно, это примитив. Такое же электричество, как в сети, подумаешь!

– Такое, да не такое, – возразил Геннадий Родионович, отчасти довольный. – В случае с расческой и эбонитовой палочкой мы имеем дело с силами электростатического взаимодействия. Электроток – это одно, а электростатика – совсем другое. Почему, к примеру, вода, являющаяся соединением двух газов, существует на нашей планете в жидком виде? Из-за водородных связей, которые вы будете проходить на уроках химии и которые суть не что иное, как силы электростатического притяжения. Так уж устроены молекулы воды, что имеют плюс и минус... – Кое-как изобразив на доске пару сцепленных связями молекул воды и не услышав за спиной смешков, какие обязательно сопровождали этот рисунок, если кружок, обозначающий атом кислорода, выходил хотя бы слегка продолговатым, Геннадий Родионович приободрился и продолжал: – Теперь возьмем хоть сельхозавров. Какая причина заставляет их так называемые «тела» удерживать форму? Проще говоря, почему ветер не может растрепать сельхозавра, как облако?

– Это же нанороботы, а не вода, – презрительно скривился Грачев. – У них программа.

– Чушь. Причина та же – электростатика, только у нанороботов, образующих тело сельхозавра, не два полюса, а минимум четыре... вообще-то, бывает и больше... Тихо! Тарелкина, я к тебе обращаюсь! В чем ошибается Грачев? В том, что заданная извне программа заставляет сельхозавра двигаться и выполнять те или иные работы, но не отвечает за само существование сельхозавра. Понятно? Программа заставляет нанороботов изменять электростатические свойства, благодаря чему они могут выстраиваться в цепочки, а цепочки образуют жгуты, известные под названием псевдоскелета и псевдомышц... но никакая программа не заставит нанороботов перестать быть электрически полярными и, следовательно, не приведет к разрушению или, вернее, рассеянию сельхозавра. Уничтожить дефектного сельхозавра, забравшегося, к примеру, в город, не самая простая задача...

Класс загалдел. С некоторых пор сюжеты о полоумных сельхозаврах полюбились редакторам блоков теленовостей, поэтому различные способы уничтожения макронаномеханизмов видели на экране все. Многие видели это и воочию, а придурок и враль Шишов утверждал даже, что побывал внутри сельхозавра.

Провоцировать учителя на дискуссии, не имеющие никакого отношения к теме урока, эти семиклашки еще не научились. Геннадий Родионович постучал указкой о стол.

– Продолжаем. Электрический заряд может приобрести любое тело, не связанное проводником с землей. Например,

ваше тело. Сейчас мы это продемонстрируем... Добровольцы есть? Панасенко? Нет, его слишком долго заряжать... А кто предложил – ты, Грачев? Ну-с, Грачев, милости прошу... вот сюда, на стеклянный изолятор...

Наслаждаясь общим вниманием, Грачев лицедействовал. дрожал всем телом и осенял себя крестным знамением. Пришлось поторопить кривляку, да заодно приструнить и остальных. Со старшеклассниками такое уже не проходило – на этих окрики пока еще действовали.

– Держись за шар и ни за что другое...

Отодвинув второй блестящий шар электрофорной машины от греха подальше, Геннадий Родионович завертел рукоятку – сперва небыстро, потом все скорее, потом бешено. Минуты через две невымытые рыжие волосы на голове лицедея зашевелились и сделали первое поползновение встать дыбом.

– Что наблюдаем? – крикнул слегка запыхавшийся Геннадий Родионович. – Электростатическое отталкивание одноименно заряженных тел! Вот что получается, когда... Что там?! Назад! Панасенко, сидеть!..

Но Панасенко уже воздвигся на свои тумбы, о чем сразу же сообщил грохот упавшего стула. Повскакивали все. Половина класса прилипла носами к окнам, а вторая половина стремглав неслась туда же, забыв о назидательном физическом опыте. Грузно топоча, Панасенко задел Грачева, и оба, взвизгнув, подпрыгнули от электрического удара. Кабинет

сотрясся. Сейсмический вклад Грачева был пренебрежимо мал, зато от приземления Панасенко жалобно задрезжали окна, лейденские банки и лабораторный гальванометр.

– Куда? – фальцетом надрывался учитель. – Да что там у вас?

– Идите сюда, Геннадий Родионович, смотрите! Во какой!..

По улице, отделенной от школьного здания спортплощадкой и редкой шеренгой золотушных деревьев, двигался сельхозавр.

Серый, как слон, но гораздо крупнее слона, смахивающий не то на вымершего зверя индрикотерия, не то на зауропода с купированным хвостом, сельхозавр неспешно переступал четырьмя конечностями. Был он непрозрачен, но словно бы не шел, как всякое порядочное четвероногое, а скорее перетекал – впрочем, Геннадий Родионович не был вполне уверен в применимости данного глагола к походке сельхозавра. У всякого крупного живого существа при движении под кожей перекачиваются мышцы, а на сгибах конечностей обозначаются жилы, а если ничего подобного не наблюдается, то какая же это, к черту, ходьба? Даже у самого тупого экскаватора есть гидравлические поршни, а у этих что?.. Движущийся сельхозавр всегда производил на Геннадия Родионовича самое неприятное впечатление.

Зато электростатика торжествовала триумф – встречный и довольно сильный ветер, несущий вдоль улицы сухие осен-

ние листья, по-видимому, не причинял слепленной из нанороботов зверюге ни малейших неудобств.

– Гля, а троллейбус-то, троллейбус!..

За сельхозавром и впрямь пробирался троллейбус – боязливо, по-черепашьи. Сельхозавр перекрывал ему путь. Водитель трусил, не решаясь подтолкнуть в корму тихоходную зверюгу, и почему зря подавал звуковые сигналы. Из окон торчали головы пассажиров.

Только сейчас Геннадий Родионович заметил, что нарост, заменяющий сельхозавру голову, касается троллейбусных проводов. Иногда зверь задирает башку выше, и тогда провода свободно скользили сквозь нее. Просто удивительно. До сих пор приходилось полагать, что сельхозавры кормятся солнечной энергией, а если и употребляют в малых дозах электричество, то исключительно атмосферное...

Н-да. Невнятное это существо – сельхозавр. Полезное – что есть, то есть, – но невнятное до мигрени. И даже не существо и не механизм, а конгломерат какой-то. Колония простейших. Эту дрянь даже кибернетическим организмом не назовешь – ну не вписывается она в понятие «организм»!

Отпустив наконец провода, сельхозавр резко свернул в сторону, протек сквозь дерево, не повредив ни веточки, варварски погнул уличный фонарь и удалился в сторону пустыря, доведя до поросячьего визга ветхую бабульку на тротуаре.

Школьники веселились.

Геннадий Родионович заколотил указкой по столу. Урок был испорчен, оставалось только не дать ему пропасть окончательно. Впрочем, и пропадет – невелика беда. Геннадий Родионович был реалистом. Не то беда, что эти придурки охально гыгыкают при слове «эбонит», а то беда, что даже отличники, коих раз-два и обчелся, повзрослев, все равно будут верить в сглаз, порчу, хиромантию, магию всех цветов радуги и положительную энергетику, сообщаемую стакану с водой посредством телеэкрана. На худой конец, и то если шибко умные, – в торсионные поля. Геннадий Родионович не без оснований считал Сизифа коллегой.

И еще вопрос, кому досталась работенка тяжелее.

Впрочем, хныкать было не с чего. К работе в школе бывший мэнээс давно привык, тянул полторы ставки, чем обеспечивал скромные свои потребности, алиментов бывшей жене не платил за нерождением ею детей, а именно эту школу, а не какую-нибудь другую, избрал по двум причинам: директор редкого для педагогики пола, мужик хитрый, но не сволочь, и оптимальное удаление от дома.

* * *

Живешь далеко – устанешь мотаться в транспорте. Живешь близко – как под надзором. Либо знакомые школьники, либо, что еще хуже, их родители. Ни пройти, чтобы тебя не остановили языки почесать, ни пива выпить во дворе, а уж

если несешь домой портфель, то гляди в оба, чтобы в нем не звякнуло. Облико морале! Для родителей нет занятия увлекательнее, чем блюсти чужую добродетель.

В плохую погоду Геннадий Родионович все-таки ездил домой на метро и двух автобусах, в хорошую – добирался пешком за полчаса. Как раз посередине маршрута располагался железнодорожный узел со станцией, сортировочной горкой, пакгаузами и заводом по ремонту чего-то бегающего по рельсам. Обыкновенный путь через эту полосу препятствий пролегал по высоченному, в пять лестничных пролетов, и длиннющему пешеходному мосту, но рабочие с ремонтного завода издавна ходили по путям и через горку, сразу сокращая маршрут вдвое. Если бы всех, кого здесь подавило вагонами, захоронить на месте, то на рельсы, стрелки, пакгаузы, да и на завод не осталось бы ни клочка земли. Но народ русский, как хорошо известно всем битым супостатам, неимоверно стоек и упорен в достижении заветного. В давние времена из забора, окружившего узел радением железнодорожной администрации, выламывали доски. Позднее стали выпиливать железные прутья. А когда опасное место оградилось от города забором из бетонных плит, проблему беспрепятственного прохода стал решать трос, принайтовленный одним концом к плите, а другим – к формирующемуся составу. Любопытные сбегались посмотреть, как выдранная с корнем плита долго скачет по шпалам за составом, сокрушая семафоры и прочую железнодорожную утварь, и грохот ее постепенно

затихает в неизвестной дали...

Обычно Геннадий Родионович не ленился подняться на мост, но сегодня остановился озадаченный. В заборе, буквально на днях восстановленном и укрепленном приваренными поверху стальными уголками, не хватало не одной, а целых двух плит!

«Мощны у нас локомотивы», – успел с ноткой гордости подумать Геннадий Родионович, прежде чем его внимание было привлечено кучкой людей по ту сторону ограждения.

Любопытство пересилило.

– Тут он прошел, значит, – донеслось до слуха.

– Простите, кто прошел? – задал Геннадий Родионович вопрос раньше, чем рассмотрел вестника происшествия.

– Кто, кто... – На отвратно небритой харе из-под кепчонки неожиданно ярко блеснули восторженные глаза. – Сельхозавр, ясен пень! Гля, чего на путях делается! Во, блин! Не, ты гля!..

Геннадий Родионович споткнулся. Сказавши «а, ч-черт!», поглядел под ноги. Тут же выяснилось, что обе недостающие плиты лишь немного изменили дислокацию – лежали себе рядышком на земной поверхности, а не скакали на привязи куда-то в сторону Воронежа.

Неужели и вправду сельхозавр?

На путях было неладно. Не лязгали капканы стрелок, не катились с горки вагоны. Вагоны – три штуки – лежали на боку, и нечто белое, бесформенными кучами вывалившееся

из них, было залито мазутом из притулившейся рядышком – тоже на боку – черной цистерны.

– Унитазы, – жизнерадостно сообщил небритый весельчак. – Охренеть. Все вдребезги. Это цистерна в них въехала, я видел. Кто-то стрелку не туда перевел, может, сам сельхозавр...

– Цистерны нельзя пускать с горки, – блеснул эрудицией Геннадий Родионович.

Небритая харя обиделась:

– А сельхозаврам можно по городу шляться? А по путям им можно? Выдумали, блин, заразу на нашу голову! Прикинь, а? Людям, значит, нельзя, а этой нечисти можно?..

– Точно, – легкомысленно подначил Геннадий Родионович. – Чужим можно, а нам нельзя. Понаехали тут из деревни, понимаешь...

Харя обиделась всерьез:

– Сам ты понаехал! А ну, вали отсюда!

Рассудив, что ответная колкость была бы сейчас не к месту, Геннадий Родионович счел за благо прикинуться, будто как ни в чем не бывало продолжает путь, и свернул к мосту. Сверху последствия аварии было видно даже лучше. Вокруг черного и белого брезгливо суетились какие-то люди – не то путевые рабочие, не то охотники до бесплатной сантехники. А может, и то и другое.

Распоясались сельхозавры, осуждающе подумал Геннадий Родионович. В блоках городских новостей редкая неделя об-

ходила без сообщений о визите бродячего сельхозавра в городские кварталы и о мерах по вытеснению его за городскую черту, а то и об уничтожении.

И чего сельхозавров в город понесло?.. Загадка века. До сих пор, вон, пишут, что перепрограммирование их – дело самое простое. Может, вирус гуляет?..

В воображении немедленно возникла картина: толпа, с гиканьем бьющая хакера. Картинку Геннадий Родионович прогнал, но остался в недоумении. Ну, допустим, вирус. Такой, что за полгода (или когда там за сельхозаврами была замечена тяга к городам?) не выявлен и не укрощен? Быть того не может. Может, все-таки дефект конструкции?

Слово «конструкция» применительно к сельхозавру Геннадий Родионович даже мысленно произносил с отвращением. Конструкция бывает у механизмов, а у этого конгломерата нанороботов что? Структура? Недостаточное слово. Что вносит порядок в хаос монад? Конституция какая-нибудь, что ли?.. Ага. Спросить бы у колонии вольвокса – есть ли у нее конституция или она живет в добропорядочной анархии по Кропоткину?

Мысль развеселила. Геннадий Родионович зашагал бодрее. По ту сторону желдорузла стало совсем легко – и в первую очередь потому, что здесь не жил никто из учеников. Отсюда начиналась свобода. Здесь можно было выругаться или звучно, чтобы прохожие обернулись, плюнуть на асфальт. Не хочется – не делай, но не дорожить свободой

странно.

Миновав забор с табличкой «Строительство ведет СМУ такое-то, прораб Я.Я. Обсценный-Табуиров», Геннадий Родионович вновь увидел сельхозавра. Тварь находилась в конце улочки, занимая всю проезжую часть, и двигалась, по-видимому, к проспекту. Ага. Стало быть, жди ликвидаторов. Поспешить бы, не то как раз улицу оцепят...

С другой стороны – черт тянул лично посмотреть на ликвидацию. Телевизионщикам доверия не было. Поучаствовав однажды в несанкционированном митинге и не приметив на телеэкране своей физиономии в вечернем блоке новостей, а обнаружив вместо нее всякие отвратные рожи, Геннадий Родионович испытал одновременно радость от того, что не придется назавтра объясняться с директором, и горькое разочарование: хоть часть правды да обязательно скроют от народа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.